

Шекспир здесь власть

АННА НАРИНСКАЯ

О СЕРИАЛЕ «КАРТОЧНЫЙ ДОМИК»

НА «ПЕРВОМ КАНАЛЕ»

начался показ второго сезона «Карточного домика». Анна Наринская попыталась разобраться, в чем особенность российского восприятия этого сериала

Вообще-то предосудительное поведение Фрэнка Андервуда — совсем не новость. И не было новостью год назад, когда онлайн-кинотеатр Netflix выложил первый сезон сериала «Карточный домик». Англичане, например, уже успели насмотреться на него в начале девяностых, когда он проделывал практически то же самое на канале BBC, только под именем Фрэнсиса Аркхарт и в исполнении сэра Иэна Ричадсона. А до того они (ну, во всяком случае, многие из них) читали роман под тем же названием, написанный Майклом Доббсом — советником и спичрайтером Маргарет Тэтчер. Эту цепочку можно продолжить, сказав, что еще до того они прочли пьесы Шекспира «Макбет» и «Ричард III», темы которых книга Доббса и снятые по ней фильмы «официально» разрабатывают. (Кстати, реплики главного героя в камеру, появившиеся в английском и сохраненные в американском сериале, — это киновариация на тему шекспировских соловьев, обращенных к публике «внутренних» монологов героев.) Знание об аналогиях с Шекспиром (не «архетипическим Шекспиром», сюжеты которого можно увидеть в практически любом литературно-драматическом конфликте, а с

Шекспиром вполне конкретным) — оно не то чтоб было необходимо, но все же зрителя обогащает. Потому что когда понимаешь, что Робин Райт играет современную леди Макбет, больше ценишь то, как она упаковывает практически первобытную решимость в цивилизованную сдержанность. А проявления героев, кажущиеся лишними и помпезными (вроде невинной птички, прямо руками удушенной в раздражении одним из совсем уж отрицательных персонажей), тогда можно расценивать как оммаж шекспировскому театру. В американской прессе «Карточный домик» удостоился отнюдь не только одних восторженных рецензий. Его (и не в его пользу) сравнивали с вышедшим два года назад сериалом «Босс» о коррумпированном мэре Чикаго, где характеры были прописаны с куда большей глубиной. Кевина Спейси в роли Фрэнка Андервуда все, разумеется, нашли блестящим, тут и спорить не может, — но, возможно, даже слишком блестящим для тех реплик, которые для него написаны. Потому что диалоги там, как указывали критики, «не только не как у Уильяма Шекспира, но даже и не как у Аарона Соркина». Большинство российских зрителей, правда, к этим деталям не присматриваются. Если свести нашу реакцию на «Карточный домик» к одной фразе, то это будет нечто вроде «ого, как они могут о политике!».

И не стоит тут делать отступление, что, мол, нечего поражаться и что они могут о политике давно и разнообразно — настолько, что ее изображение сложилось в подробно разработанную традицию, крошечная часть которой описана выше.

Здесьняя реакция типа «ого» на показанный по «Первому каналу» сериал о привлекательном и преступном политике высокого ранга вполне естественна. Потому что у нас описание политической жизни, хоть сколько-нибудь похожей на настоящую, — уже много лет почти совершенное табу, наше общее «слепое пятно», как выразился бы сам Фрэнк Андервуд.

С такими «слепыми пятнами», с таким вынужденным вакуумом, как, кстати, знает внимательный зритель «Карточного домика», происходит вот какой фокус. Они имеют тенденцию заполняться странным и даже страшным. Говоря совсем просто: когда про что-то не знаешь совсем ничего — легко поверить во все, что угодно. И если для западного зрителя, получающего из СМИ подробную информацию о своих политиках, «Карточный домик» — еще одно упражнение по поводу извечного искушения властью, то наш соотечественник вполне может принять его за правдивый портрет этой власти. Причем не обязательно американской. Хотя, конечно, сомнительно, чтоб среди наших политиков нашелся такой обаяшка, как Фрэнк Андервуд.